

С.А. Никольский,
заместитель директора
Института философии РАН,
д.филос.н.

Русское мировоззрение: смыслы и ценности классической литературы XIX в

То, что русское мировоззрение как одно из духовных проявлений народов, населяющих Россию - и не только этнических русских, сегодняшних восьмидесяти процентов населения страны, - существует и отличается от мировоззрения французского или японского - очевидный факт, признаваемый на экспертном уровне и на уровне простого здравого смысла. Так, говоря о национальных особенностях, неотъемлемой частью которых является и мировоззрение, выдающийся русский ученый Д.С. Лихачев писал: «Национальные особенности – достоверный факт. ...Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности – значит делать мир народов очень скучным и серым»¹.

Утверждение в отечественной философии тематики русского мировоззрения, начавшееся в систематическом виде с конца тридцатых годов XIX столетия с «Философических писем» П.Я. Чаадаева, успешно продолжалось вплоть до октября 1917 года. Однако в дальнейшем, в советский период, процесс этот был прерван: проблематика национального мировоззрения была вытеснена «марксистско-ленинским учением» о коммунистическом мировоззрении. В этой связи, одна из целей начатой мной работы состоит в том, чтобы прояснить те исторические корни, которые были обнаружены в русском национальном сознании отечественной философской мыслью и русской классической литературой, обнаружить их связь с национальной историей и культурой, равно как и показать их актуальность для современного российского самосознания. Именно попытками работы в этом направлении следует считать мои предыдущие статьи, посвященные проблематике русского мировоззрения². Вместе с тем, в настоящем тексте я, получив некоторый исследовательский опыт работы с

---

¹ Лихачев Д.С. Заметки о русском. М., Советская Россия, 1984, с. 64.

² См. «Мирознание русского земледельца в отечественной философии и классической литературе второй половины XIX – начала XX веков. (Философско-литературоведческий анализ). «Вопросы философии». 2005, № 5 (в соавторстве с В.П. Филимоновым); «У истоков русского мировоззрения: Петр Чаадаев». «Космополис». 2005, № 2 (12); «У истоков русского мировоззрения: Алексей Хомяков, Иван Киреевский, Константин Аксаков». «Космополис». 2005, № 4 (14); «Мирознание земледельца в русской литературе XIX столетия: горестно-обнадеживающий взгляд Чехова». «Вопросы философии». 2007, № 3; «Мировоззрение русского земледельца в романной прозе И.С. Тургенева». «Вопросы философии». 2008, № 5; «Русский человек в деле и недеянии: опыт исследования И.А. Гончарова». «Вопросы философии». 2009 № 4; «Смыслы и ценности русского мировоззрения в творчестве Л.Н. Толстого». «Вопросы философии». 2010, № 9.

проблематикой русского мировоззрения, постараюсь объяснить свое сегодняшнее понимание предмета и методов исследования.

* * *

Под национальным мировоззрением, следуя философской традиции, я понимаю систему идей, взглядов, представлений, убеждений, верований, норм, ценностей и привычек, сложившихся в истории и культуре народа, воспринимаемых и воспроизводимых субъектом и проявляющихся в его поведении и действиях в обыденно-типичных или экзистенциально-экстремальных ситуациях. Главная же особенность национального мировоззрения состоит в том, что эта осознанная, отрефлексированная и определенным образом упорядоченная система в своем «устойчивом ядре» присуща большим группам людей. То есть, в сознании больших человеческих общностей есть некие базовые элементы, которые присущи многим (если не большинству) людей определенной национальности или причисляющих себя к определенной культуре (например, русской).

Среди этих базовых элементов не последнее место занимают, в частности, и языковые проявления сознания. Это фиксируемые лингвистами так называемые «типично национальные» понятия, как, например, такие сугубо русские как *душа*, *судьба*, *тоска*, *счастье*, а также такие глаголы, относящиеся к нашему традиционному пониманию практической деятельности, как *собираться*, *постараться*, *сложилось*, *довелось*, *получилось*, *появилось*. Эти понятия, по мнению филологов, являются специфически русскими, характерными именно для нашей лексики и национальной языковой картины мира и в других языковых картинах мира отсутствуют³. (Сравним, например, приведенные русские глаголы с английским глаголом «do» - делать. Употребляющий английский глагол субъект сразу же фиксирует по крайней мере три момента заявляемого им намерения практической деятельности. Он четко определяет себя в качестве субъекта действия, он сообщает о намерении приложить усилия и именно сделать, а также того, что даже в мыслях не допускает возможности ожидания каких-то благоприятствующих или исчезновения неблагоприятствующих обстоятельств. Кроме того, своей определенностью он возлагает на себя личную ответственность за конечный результат. Конечно, глагол «делать» есть и в русском языке. Однако кроме него в русском есть и названные нами - «собираться, постараться, сложилось» и прочие, которыми мы пользуемся не менее часто и которых, что отмечается, нет в английском).

Национальное мировоззрение исторично. Оно складывается у народа постепенно. В истории ему предшествуют некоторые «протоформы» - «мироощущения» и «мировосприятия», впоследствии сливающиеся в «миросознание», что, конечно, не означает исчезновения «мироощущения» и «мировосприятия». Эти неотрефлексированные, а подчас и вовсе не осознаваемые первичные мировоззренческие образования на определенной стадии

---

³ См., например: Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. «Ключевые идеи русской языковой картины мира». М., Языки славянской культуры, 2005, сс. 452 – 460.

исторического развития оказываются присущими либо народу в целом, либо его большим социальным группам.

Употребляемый в связи с мировоззрением термин «русское» трактуется, конечно, не в этническом, а в предельно широком – культурном смысле. С этих позиций оказывается, что даже если индивид не принадлежит к русскому этносу, но принимает как родную русскую культуру и русский язык, а также, будучи верующим, признает в качестве религиозной основы своего мировоззрения православие, а не, к примеру, ислам или иудаизм, то о его мировоззрении можно сказать, что оно русское. Так, в XX веке «русскими поэтами» ощущали и называли себя, например, великие мастера русского слова евреи Осип Мандельштам и Иосиф Бродский.

Вместе с тем, термин «русское» имеет разное, связанное с историей содержание. Так, находимый в русской философской и литературной классике текстовый материал до начала XX столетия практически не содержит ничего (за исключением, пожалуй, образов украинцев – благодаря текстам Гоголя и Сквороды), что могло бы быть отнесено к мировоззрению иных народов, кроме русского. По этой причине, и, кроме того, понимая, что изучение мировоззрения иных народов потребовало бы дополнительных значительных усилий, а также сознавая то, что поставленная задача и без того очень широка, дальнейший анализ предполагается сосредоточить только на русском мировоззрении, прежде всего в его базовом проявлении - мировоззрении русского земледельца.

На необходимость исследования проблематики национального мировоззрения еще на рубеже XX столетия указывал выдающийся русский философ С.Л. Франк: «Национальное мировоззрение, понимаемое как некое единство, ни в коем случае, конечно, не является национальным учением или национальной системой — таковых вообще не существует; речь идет, собственно, о национальной самобытности мышления самого по себе, о своеобразных духовных тенденциях и ведущих направлениях, в конечном счете о сути самого национального духа. ...Объект нашего исследования — не таинственная и гипотетическая «русская душа», как таковая, а ее, если можно так выразиться, объективные проявления и результаты, точнее, преимущественно **идеи и философы, объективно и ощутимо для всех содержащиеся в воззрениях и учениях русских мыслителей.** ...Поскольку облечь в понятия внутреннее содержание национального духа и выразить его в едином мировоззрении крайне трудно, а исчерпать его каким-либо понятийным описанием и вовсе невозможно, мы должны все-таки исходить из предпосылки, что **национальный дух как реальная конкретная духовная сущность вообще существует, и что мы путем исследования его проявлений в творчестве сможем все-таки прийти к пониманию и сочувственному постижению его внутренних тенденций и своеобразия.** (Выделено мной. – С.Н.)⁴.

О близком к пониманию Франка методе познания национального мировоззрения, переданного художником в литературных текстах, говорил и один из крупнейших русских философских и религиозных мыслителей отец Сергей

---

⁴ Франк С.Л. Русское мировоззрение. Санкт-Петербург, Наука, 1996, с. 163.

Булгаков. В своих работах, посвященных исследованию философского содержания творчества А.П. Чехова, в качестве метода анализа мировоззрения его героев он предлагал **«суммирование мыслей и впечатлений, этими произведениями вызываемыми»** (Выделено мной. – С.Н.)⁵).

Конечно, при анализе того, какие впечатления у нас возникают, огромную роль играют художественные средства, то, как писатель доносит до нас то или иное переживание, ту или иную идею. Однако для понимания духовного мира художника и изображаемых им персонажей нам, подчеркивает Булгаков, важно остановить наше внимание не столько на художественной стороне, сколько на том, **«что составляет святая святых в каждом человеке, будь он великий мастер или заурядный чернорабочий, на его мирозерцании»** (Выделено мной. – С.Н.)⁶

Возвратимся, однако, к анализу мыслей Франка. В приведенном тезисе о понимании и сочувственном постижении национального духа прежде всего хотелось бы обратить внимание на две принципиально важные мысли. Во-первых, о том, что национальный дух постигаем через исследование творчества (а в первую очередь Франк имеет ввиду творчество литераторов и философов). И, во-вторых, о «понимании и сочувственном постижении» как ключевых установках методологии исследования проблемы. При этом, как представляется, если предметом «понимания» могут быть идеи и философы, то с предметом «сочувственного постижения» дело обстоит сложнее. На мой взгляд, в системе русского мировоззрения сочувственному постижению исследователя могут быть доступны только такие его элементы, которые действительно вызывают в нас, исследователях, согласное, согласованное с нашими переживаниями со-чувство. Если же эти элементы такового чувства не вызывают, а, напротив, порождают противное чувство, в том числе неприятие или даже негодование, то исследователям не остается ничего иного, кроме как постараться понять и сколь возможно рационально объяснить наблюдаемое. Делать это нужно, конечно, стараясь принимать в расчет реалии не сегодняшнего дня, а, насколько возможно, того исторического времени, к которому эти реалии относятся.

Кроме того, только этих установок - понимания и сочувственного постижения - для осмысления проблемы во всей ее объемности безусловно недостаточно. Требуется дополнительное прояснение. В онтологическом смысле национальное (в том числе и русское) мировоззрение, не возникает у народа вместе с его появлением в истории. Оно есть результат его исторического пути и культурного творчества. И только на определенном этапе, когда достигнута некоторая критическая масса исторических дел, событий, их осознания, культурного оформления пережитого опыта, когда все это проходит стадию критической рефлексии, только тогда начинает выстраиваться система фундаментальных принципов, жизненных смыслов, ценностей и правил. Только тогда, по мере осознания и публичного приятия, элементам этой системы придается общенародный (общенациональный) статус и по которым, в том числе,

---

⁵ См. ст. С.Н. Булгакова в кн. «Путешествие к Чехову». М., ШКОЛА - ПРЕСС, 1996, с. 592.

⁶ Там же.

данная конкретная большая совокупность людей начинает отличать себя от других. Впрочем, во всякий момент исторического развития не только реальное событие формирует народное мировоззрение и народный дух, но и, наоборот, событие является продуктом и результатом материализации народного мировоззрения и народного духа.

В гносеологическом отношении национальное мировоззрение также имеет ряд особенностей. Прежде всего, его содержание формулируется не самим народом, а теми его творческими субъектами, которые осознают в себе это право. В первую очередь этот труд по своей «цеховой» принадлежности берут на себя философы и писатели. При этом отличить их собственные представления от отображаемого ими, за редким исключением не представляется возможным. Поэтому исследователю остается только полагаться на проницательность и честность «толкователей», на их желание не столько донести до общественного сознания собственные любимые смыслы и ценности, сколько передать те, которые они «застали» в современности у непосредственно наблюдаемого ими народа.

В гносеологическом отношении перед творческим субъектом, далее, стоит задача определения того, какие из мировоззренческих элементов считать индивидуальными, характерными для небольших групп, а какие отнести в разряд мировоззрения больших групп и даже черт национального мировоззрения. И первым критерием для верного ответа на подобного рода вопрос, на мой взгляд, является то, какова частота отнесения той или иной характерной мировоззренческой черты именно к разряду черты национальной, а не «локальной» или «профессиональной», а также то, насколько сами исследователи склонны считать ее таковой. В качестве примера приведу одно из наблюдений. Так, например, А.С. Пушкин, В.Ф. Соллогуб, Л.Н. Толстой и другие русские писатели неоднократно говорили об одной и той же ценностной установке или даже мировоззренческом убеждении русского дворянства – его праве «жить не по средствам».

Из этих писательских наблюдений, конечно, вовсе не следует, будто такая черта была присуща исключительно русскому дворянству. Очевидно, нечто похожее можно найти в убеждениях и привычках представителей привилегированных классов других стран. Впрочем, далеко не всех. Кроме того, как показывает даже начальная стадия исследования русского мировоззрения, в мировоззрениях, например, русского и французского крестьянства есть характеристики, ярко проявляющиеся у одних и начисто отсутствующие у других земледельцев в одно и то же историческое время.

Вторым критерием для отнесения той или иной мировоззренческой черты к разряду национального мировоззрения, на мой взгляд, следует считать то, что писателями или философами в их произведениях рассматриваются явления, раскрываются исторические условия, обстоятельства или события, на которые они указывают как на причины появления тех или иных мировоззренческих черт. В этой связи, к примеру, можно сослаться на анализ П.Я. Чаадаевым явления установления в России крепостного права, породившего некоторые важные содержательные компоненты русского национального мировоззрения. Среди

таковых – безропотное повиновение (вариант - рабский трепет) перед начальством, о чем много написано Н.В. Гоголем, А.С. Пушкиным, М.Е. Салтыковым - Щедриным, Н.С. Лесковым, А.П. Чеховым и другими писателями.

* * *

Анализ заявленной темы также требует пояснений в связи с попыткой соединения в ней философского и литературоведческого анализа. Соединение это объясняется, во-первых, тем исторически сложившимся фактом, согласно которому именно философия и литература как направления духовной деятельности прежде всего дают наиболее глубокое и всестороннее представление о русском социуме. Как отмечал, например, Н.А. Бердяев, особенности и противоречия русского бытия всегда находили себе отражение в русской литературе и русской философской мысли⁷. Объяснение этого феномена состоит прежде всего в том, что в России, в отличие от Европы, длительное время отсутствовало гражданское общество. Безраздельное господство самодержавного монарха, созданная им для удержания в целостности гигантской страны огромная и неповоротливая бюрократическая машина, давившая все ей непонятное и маломальски свободное, привело к тому, что какая-либо степень свободы в России была возможна исключительно в сфере духовного и, прежде всего, литературного творчества. Отсюда – особая роль литературы в России.

При занятиях проблематикой русского мировоззрения также важно понимать, что первоначально в творчестве философов и литераторов XIX – начала XX века исследователь обнаруживает обращение не к мировоззрению конкретных социальных слоев, а к мирознанию и мировоззрению русского человека вообще. При этом, почти всегда, за исключением редких случаев, речь идет о мировоззрении земледельца – крестьянина или помещика. Когда же исследователи-философы хотели подчеркнуть иную социальную принадлежность слоев, выводимых ими за рамки понятия «русский народ», они прямо говорили об этом, как, например, о русской интеллигенции, духовенстве, купечестве или офицерстве.

Фигуры крестьянина и помещика всегда были одними из важнейших и для русской литературы. При этом, в отличие от философии, занятой попыткой реконструкции национального мировоззрения в его целостности, литература, начиная с «Записок охотника» И.С. Тургенева, то есть, примерно с середины XIX столетия, работает с персонажами в их индивидуально-типической конкретности. И если до Тургенева образы помещиков в их индивидуально-художественном выражении еще можно отыскать, например, у Гоголя, то фигуры индивидов-крестьян начинаются со знаменитых тургеневских Хоря и Калиныча. Их голосами русский крестьянин заговорил впервые. Именно конкретность позволяет не только глубже воспринять проявляемые через литературные персонажи национальные черты, но и предоставляет возможность проверки для оценки правильности того, что предлагается литератором в качестве обобщения.

---

⁷ Бердяев Н.А. «Русская идея. Судьба России». М., ООО Издательство В. Шевчук, 2000, с. 228.

Если же продолжить мысль об индивидуализации далее, перенеся ее на характеристики, даваемые философами, то и по отношению к ним она кажется справедливой. То есть, сумма конкретных персонажей и демонстрируемые ими качества, типы мировоззрения, равно как и примеры нравственного или безнравственного поведения суммарно могут выступить в качестве критерия для оценки справедливости характеристик, даваемых философами. Показать, что литературная конкретика была одним из оснований для философских обобщений, а философские обобщения, в свою очередь, поверялись литературными образами, одна из центральных линий исследования, которую я в дальнейшем намерен прочертить.

Литераторы, конечно, не могут представить читателю мировоззрение земледельца - крестьянина или помещика (если говорить о досоветской эпохе) в их имманентном виде. Художественный текст - не исторический документ, в отличие, например, от писем крестьян, фольклорных произведений или их документальных обращений к властям. В литературном произведении мы чаще всего имеем дело с авторским вымыслом, представлениями самого художника о мировоззрении создаваемых им персонажей. Однако представления эти, с одной стороны, тяготеют к форме обобщенно-типической, возникают на основе художественного познания конкретной действительности и потому оказываются не менее ценны и значимы, чем философское познание и обобщение. С другой стороны, созданные художником образы – суть продолжение, воплощение, материализация осознаваемых им самим его собственных пороков, представленных, естественно, не в непосредственном, а в превращенном виде, но которые они считают не сугубо личными, но в определенной степени присущими народу в целом.

Что же происходит при этом художественном методе, когда писатель, не фантазируя и не очеловечивая свои любимые умозрительные конструкции (как это делал, к примеру, Достоевский), пишет как бы с себя? И, кроме того, не оказывается ли художественное произведение лишь слепком с души писателя⁸, не имеющим отношения к самой жизни, то есть, не теряет ли художественное произведение способность быть свидетельством, эстетическим документом действительности и, вместе с тем, основанием для философского «понимания и сочувственного постижения»? Думаю, что будет правильным в этом случае дать отрицательный ответ.

Созданное писателем не есть исключительно слепок с его души, а в преломленном через душу виде является прежде всего слепком с действительности. И обе эти составляющие непременно необходимы для

---

⁸ Да и «слепком с души» изображаемые писателем «гадость и дрянь» в полном смысле назвать нельзя в силу того, что отношение к ним автора принципиально иное, чем у его героев. «Не думай, однако же, после этой исповеди - продолжает Гоголь в письме к анонимному адресату, - чтобы я сам был такой же урод, каковы мои герои. Нет, я не похож на них. Я люблю добро, я ищу его и сгораю им; но я не люблю моих мерзостей и не держу их руку, как мои герои; я не люблю тех низостей моих, которые отдаляют меня от добра. Я воюю с ними, и буду воевать, и изгоню их, и мне в этом поможет Бог». Там же, с. 81.

философско-художественного обобщения. С другой стороны, и наличие в душе автора того, что требуется для философско-художественного изображения, столь необходимо, что без него, по свидетельству Гоголя, пытаться что-либо выдумать нельзя. «Тебе объяснится также и то, почему не выставлял я до сих пор читателю явлений утешительных и не избирал в мои герои добродетельных людей. Их в голове не выдумаешь. Пока не станешь сам хотя сколько-нибудь на них походить, пока не добудешь медным лбом и не завоюешь силою в душу несколько добрых качеств – мертвечина будет все, что не напишет перо твое, и, как земля от Неба, будет далеко от правды. Выдумывать кошмаров – я также не выдумал, кошмары эти давили мою собственную душу: что было в душе, то из нее и вышло»⁹.

Таким образом, заручившись свидетельством великого автора о том, что подлинное художественное произведение может быть достаточным документом, посредством которого возможен анализ отражаемой в нем действительности, перейду к дальнейшему рассмотрению предмета исследования – русского мировоззрения, в том числе и прежде всего – в форме мировоззрения русского земледельца.

Поскольку наряду с анализом, другим важнейшим исследовательским методом моей работы является сравнение, в том числе и сравнение между собой содержаний мировоззрения, выделяемых у своих героев разными авторами, мне представляется необходимым очертить те основные тематические сферы, в которых я намерен в первую очередь предпринять исследование (содержательную реконструкцию) феномена мировоззрения русского земледельца. В этой связи для сравнительного анализа в мировоззрении как целостности главное внимание будет обращено на наиболее значимые сферы, в которых оно проявляется. Таковыми мне представляются: отношения земледельцев с природой и природа (страсти), которыми обуреваемы сами земледельцы; отношения крестьян и помещиков между собой; отношения с городом и властью, религией и культурой. Также будут рассмотрены представления русских земледельцев о собственности, праве и нравственности. Конечно, из этого не следует, что в исследовании придется отказаться от содержательного анализа мировоззрения земледельца в других сферах и отношениях. Однако основу систематизации я полагаю верным видеть именно в перечисленных тематических сферах и потому именно им будет уделено основное внимание.

* * *

Теперь, когда в определенной мере я обозначил то, что намерен считать предметом и методами исследования русского мировоззрения, попробую показать, как собственно происходит анализ художественных текстов и что получается в результате. В качестве примера обращусь к рассмотрению отдельных элементов феномена русского мировоззрения XIX века.

В качестве одной из фундаментальных черт русского мировоззрения этого периода, на мой взгляд, следует указать на его **расколотость** на мировоззрение двух типов – патриархально-национального и европеизированного. Об этом, в частности, в связи с крупным общественным событием – восстанием на

---

⁹ Там же, с. 81.

Сенатской площади декабристов говорит А.И. Герцен: «Народ остался безучастным зрителем 14 декабря. Каждый сознательный человек видел страшные последствия полного разрыва между Россией национальной и Россией европеизированной. Всякая живая связь между обоими лагерями была оборвана...»¹⁰

Впрочем, такая постановка проблемы предполагает другую: а было ли до декабрьского выступления время, когда единство народа и высших слоев, народа и власти существовало? Ответ, на мой взгляд, находим у Пушкина, в его романе «Капитанская дочка» и драме «Борис Годунов». Единство было, но это было единство неразвитого целого. В обоих произведениях содержится целый ряд концептуальных признаков, позволяющих утверждать, что до начала XIX века русская нация существовала как некое неразвившееся, не осмысливающее самое себя в полной мере, но тем не менее целостное, не европеизированное, но национальное образование.

Так, в «Капитанской дочке» фактически нет грани между народом и господами, что видно по ряду событий. Изображенные Пушкиным герои - дворяне и простолюдины – по своему мирознанию очень близки, живут общими традициями и предрассудками. Не только народ, но и многие другие социальные группы, состоящие на царской службе, не делают разницы между настоящим царем и Пугачевым - они равно легко забывают старую присягу и наново присягают самозванцу.

В драме «Борис Годунов», вопреки советской трактовке народа как молчаливо осуждающего зверства власти, на самом деле все обстоит по-другому. Вспомним, например, как ведет себя народная толпа у дворца, когда решается вопрос о жизни и смерти жены и сына Бориса Годунова. Народ вначале сам бросается их казнить. Но затем вместо него это делают бояре. Народ безмолвствует. Что за этим?

В драме народ и власть – одно целое. Не возьми бояре на себя убийство жены и сына Бориса Годунова, они были бы растерзаны народной толпой. Пушкин не идеализирует ни народ, ни власть, не делает между ними различия в порыве их общей ненависти.

В финале романа «Дубровский» есть сцена, когда толпа крестьян штурмует амбар, в котором спрятались их господа. Толпа не на шутку разъярена и вполне готова растерзать помещика и его семью. И потому нападающих – народ, крестьян - Пушкин называет не иначе как злодеями. В этой ситуации они и есть злодеи. Но с позиций чего? Какое сознание позволяет Пушкину зафиксировать расколотость русского мировоззрения, при котором, с одной стороны, в поведении ничтожного меньшинства просматриваются понятия чести и достоинства, что демонстрирует, например, Петр Гринев, а, с другой, предательство и произвол, которые обнаруживает почти вся власть и народ?

Герцен говорит о расколе между «Россией национальной» и «Россией европеизированной». Однако это может быть не верно истолковано в том смысле, что для русских вообще были характерны низменные и отрицательные качества, в

¹⁰

Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. М., АН СССР, 1956. Т.7, с. 214.

то время как Европа якобы исключительно являла примеры противоположного рода. Такое допущение ложно. Что же верно?

Вопрос этот требует большого специального разговора, поэтому я хотел бы до времени отложить его, ограничившись констатацией самого факта расколотости в XVIII - начале XIX века русского национального мировоззрения.

Другой важной характеристикой, чертой русского национального мировоззрения этого периода следует назвать его **природную ориентированность**. В особенности отчетливо это видно на сознании земледельческого населения страны. Земледелец не только не может жить без полного согласия с природой, но и не мыслит себя вне этого всеобъемлющего природного взаимодействия. Герои-земледельцы в произведениях Тургенева, Григоровича, Гончарова, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Чехова во многих отношениях являют собой как бы человеческое инобытие природы, что позволяет им гармонично встраиваться в глобальное природное целое, не конфликтовать с ним, а жить и развиваться с ним в согласии, страдании и любви. Спаянность с природным целым позволяет русскому земледельцу органично вписываться в аграрный труд, исполнять его как радость и отдохновение души.

Правда, здесь есть то существенное условие, что таким может быть лишь труд свободного человека, труд на себя. Тогда он воспевается, например, как счастье крестьянки у Николая Некрасова или селянки у Тараса Шевченко, воспевается в органической связи с материнским счастьем (румяные лица детей, улыбающиеся из снопов – в поэме Некрасова «Мороз – красный нос» или дети, несущие родителям на поле обед – в шевченковском стихотворении «Сон»).

Природа, однако, вовсе не всегда добра к землепашцу. Напротив, подчас она бывает даже безжалостна. Но мудрость земледельца в том и состоит, чтобы уметь понимать природу, если надо – перетерпеть и по-новому приноровиться к стихии.

К чуткости русского земледельческого самосознания к проявлениям природности органично примыкает его, самосознания, открытость к «переходу» в иное «бытие», содержащаяся в сознании земледельца **готовность к смерти**. В русском мировоззрении понимание смерти отнюдь не материалистическое, в котором смерть представляется всего лишь в виде механической остановки деятельности органов и функций человека. Смерть - органический переход души в иное, неземное существование, ее метафизическое бытие.

То, что это представление глубоко и органично, действительно является одной из проявлений русского самосознания, свидетельствует, в частности, то отмечаемое многими писателями спокойствие, с которым земледелец принимает смерть. В этой связи вспомним о тургеневских рассуждениях о спокойствии русского мужика в момент смерти, его описание перехода от жизни к смерти в рассказе «Живые мощи» в «Записках охотника» или укажем на повесть Григоровича «Пахарь».

Не менее важной, чем природность или представление о смерти как об инобытии души, чертой русского мировоззрения следует, на мой взгляд, считать имеющееся в нем представление о **равной ценности в человеческой жизни эмоционального и рационального начал**.

К сожалению, в традиции отечественной гуманитарной мысли было принято

акцентировать только первую, эмоциональную сторону. Так, исследователи всегда подробно говорили об одном из главных персонажей тургеневских «Записок охотника» - мечтателе Калиныче и несравнимо менее размышляли о рационалисте и хозяйственном мужике Хоре, вовсе не анализировали его жизненную и хозяйственную философию. Еще менее повезло в этом отношении персонажам Гончарова: как известно, хрестоматийный «лежебока» и чувственный мечтатель Обломов из одноименного романа в этих интерпретациях заслонял собой деятельного и рационального «немца» Штольца. На самом деле Штолец – тоже русский, это вторая часть одного человека – Обломова-Штольца в его целостном историческом существовании. В русской литературной традиции эмоциональное и рациональное начала на самом деле всегда являли собой органическое единство, в равной мере считались ценными.

Надо отметить, что традиция изображения позитивных деловых персонажей в отечественной литературе началась еще до Тургенева и велась с Гоголя. Ведь наряду с отрицательной фигурой Чичикова во втором томе поэмы «Мертвые души» есть и вполне позитивные образы, кстати, всерьез вызывающие интерес Чичикова в связи с его рассуждениями о собственном будущем, например, образы рационального хозяина - помещика Костанжогло и предпринимателя Муразова. Несомненно, рациональным, положительным русским хозяином-земледелем изображен помещик Константин Левин в романе Л. Толстого «Анна Каренина». Целой галереей позитивных персонажей, в том числе и земледелцев, как я специально показывал, отмечено творчество А.П. Чехова. Впрочем, и склад ума самих «эмоциональных» натур не чужд известной рациональности. Другое дело, что она, рациональность, не является для них чертой доминантной.

В русском мировоззрении можно продолжать выделять и иные характерные особенности. Однако для того, чтобы поставить вопрос о его исходных чертах и изменяющемся характере, как представляется, достаточно уже приведенных характеристик.

* * *